

БИБЛИОТЕЧНАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

УДК 025.4.011

DOI: 10.33186/1027-3689-2020-10-139-156

Ю. Н. Столяров

*Российская государственная библиотека, Москва, Россия
Научный и издательский центр «Наука» РАН, Москва, Россия
ГПНТБ России, Москва, Россия*

Библиотечная терминология: теоретико-методологические подходы к созданию

Аннотация: Статья представляет собой отклик на статью Е. И. Козловой и В. А. Цветковой «Терминологические аспекты в процессах стандартизации библиотечно-информационной деятельности» (см.: «Науч. и техн. б-ки», 2020 г., № 3). Автор возражает против трактовки метода математической индукции в формальной логике, которым авторы рассматриваемой статьи оправдывают попытку стандартизировать понятие «библиотечно-информационная деятельность». Этим методом достигается прямо противоположный результат: с логической последовательностью демонстрируется излишность или даже искусственность предлагаемого словосочетания. Показано, что с точки зрения Федерального закона «О библиотечном деле» предлагаемый к государственной стандартизации термин «библиотечно-информационная деятельность», равно как и фигурирующий в действующем стандарте термин «информационно-библиотечная деятельность», являются незаконными. Критикуются и другие теоретико-методологические положения разработчиков ГОСТа.

Предложения автора статьи сводятся к тому, чтобы усовершенствовать систему стандартов по информационному, библиотечному и издательскому делу (СИБИД), чётко разведя в ней области своей компетенции – информационное, библиотечное и издательское дело, не смешивая их ни в каких пропорциях и комбинациях. СИБИД должна содержать понятия «библиотечное дело» и «издательское дело», поскольку эти термины заложены в наименование системы и, следовательно, являются исходными. В основу терминологического ряда должны быть положены ключевые термины законов и иных нормативно-правовых актов общегосударственного значения, но определения этих терминов могут, и даже радикально, отличаться от зафиксированных в правовых актах: там эти определения несут правовую нагрузку, а стандартом регулируется их профессиональное, научное, практическое понимание, – разумеется,

в полной мере соответствующее юридической трактовке. Предложен подход к перечню таких общих терминов: поскольку библиотека – система по своей сущности документо-коммуникативная, в основу общих терминов должны быть положены ключевые понятия этой системы: библиотека, библиотечное дело, документ, библиотечный фонд, читатель (пользователь), контингент читателей (пользователей), материально-техническая база библиотеки, библиотечное материально-техническое ресурсосведение, модель библиотеки, модель библиотечного фонда и подобные термины общебиблиотечного характера.

Ключевые слова: библиотечная терминология, стандартизация, библиотечная деятельность, информационная деятельность, библиотечно-информационная деятельность, информационно-библиотечная деятельность, библиотека как система, теория, методология.

LIBRARY AND INFORMATION TERMINOLOGY

UDC 025.4.011

DOI: 10.33186/1027-3689-2020-10-139-156

Yury N. Stolyarov

Russian State Library, Moscow, Russia

*Science and Publishing Center "Nauka" of Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

Russian National Public Library for Science and Technology, Moscow, Russia

The library terminology: Theoretical and practical approaches

Abstract: The author responds to the article by Elena I. Kozlova and Valentina A. Tsvetkova "Terminological aspects in the processes of standardization of library and information activities" (published in the journal "Scientific and technical libraries", № 3, 2020) devoted to the draft state standard of basic terms and definitions of library and information activities. The author objects to their interpretation of mathematical induction method in formal logic, by which they justify the attempt to standardize the concept of "library and information activities". Through this method, the opposite result would be achieved; redundancy or even artificiality of the proposed phrase is demonstrated consequentially. The author argues that, within the framework of the Federal Law "On librarianship", the term "library and information activity" as proposed for federal standardization along with the term "information and library activity" as it appears in the current standard, are both wrongful. The author also criticizes other theoretical and methodological provisions proposed by the state standard writers.

The author suggests to improve the system of standards for information, library and publishing (SIBID) by segregating the competence areas of information, library and publishing activities, without mixing them in any proportion or combination. SIBID must comprise the concepts of "library" and "publishing", since these terms are embedded in the name of the system and, therefore, they make the original reference points. The terminology set must be based on the key terms of laws and other national regulatory and legal acts, though the definitions of these terms may differ, and even radically differ, from those fixed in legal acts where they convey juridical conceptions while the standard is to regulate their professional, scientific, and practical meaning, which indeed completely corresponds to the legal interpretation. The author introduces the following approach to these general terms: since the library system is essentially of document and communicative character, the key concepts of the system shall form its foundation: library,

librarianship, document, library collection, reader (user), reader (user) group, material and technical resources of library, library resource studies, library model, library collection model, and other general terms within the discipline.

Keywords: library terminology, standardization, library activity, information activity, library and information activity, information and library activity, library as a system, theory, methodology.

Публикацией статьи Е. И. Козловой и В. А. Цветковой «Терминологические аспекты в процессах стандартизации библиотечно-информационной деятельности» [1] журнал «Научные и технические библиотеки» в очередной раз заявил о себе как о лидере отечественного библиотекведения.

Появление этой статьи я воспринял с воодушевлением. Ещё бы: не прошло и четверти века (!), как появилось объяснение того, почему многовековая базовая библиотечная терминология вдруг ни с того, ни с сего превратилась сначала в информационно-библиотечную, а теперь, наоборот, – в библиотечно-информационную. Однако всё равно не в ту, какой она была в течение всей истории человечества вплоть до конца прошлого века.

В уважающем себя научном сообществе установлен иной порядок принятия новых терминов: сначала на широкое обсуждение выносят новые идеи, дают их подробное обоснование, дискутируют и, по достижении консенсуса, принимают на уровне терминологических словарей, стандартов и т.п. В нашем случае имеет место нечто противоположное: сначала без какого-либо объяснения утверждают межгосударственный (!) стандарт – 7.0-99 СИБИБД «Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения», потом двадцать лет его насильственно внедряют, после чего начинают пояснять, почему практика двадцатилетней давности была правильной.

Комментариев к каждому отдельно взятому новому стандарту в библиотекведческой литературе более чем достаточно. Обычай здесь простой: сначала принимают очередной стандарт, потом разработчики убеждают пользователей (заодно и самих себя), что он очень хороший, поскольку соответствует последнему слову науки и практики.

В рассматриваемом случае идеологи-составители наконец-то задались целью пояснить, почему в конце 1990-х гг. библиотечному делу вдруг понадобились информационные «костыли». То, что они, т.е. идеологи-составители нового, идущего на смену действующему терминологическому стандарту, за это взялись, делает им честь. Под свои рассуждения авторы подводят теоретическую и методологическую базу, что ещё больше прибавляет им веса, даёт основание рассматривать их как серьёзных исследователей. Такая заявка мне импонирует, и я охотно подхватываю теоретико-методологическое рассмотрение подходов к созданию корпуса ключевой библиотечной терминологии и особенно того, что связано с терминами *библиотечное дело* и *библиотечная деятельность*.

Однако почти сразу же охватывает досада – мои коллеги нарушили азбучное требование всякой серьёзной научной работы: прежде чем браться за обоснование чего-либо, принято изучить соответствующую литературу, чтобы потом согласиться с тем позитивным, что было выработано до них, и опровергнуть слабые доводы. В рассматриваемой же статье среди одиннадцати ссылок нет ни одной (самоцитирование не в счёт) с анализом предыдущих принципиальных библиотековедческих трудов по обсуждаемому ключевому вопросу. Опуская перечень произведений других авторов, в качестве иллюстрации сошлусь на собственные статьи: «Агрессивные информатические алогизмы», «Библиотековедение в опасности» [2]. Ну как было можно обойти такие злободневные статьи и не объяснить их автору, что он напрасно тревожится?!

В своей статье авторы опираются на известный в логике принцип индукции, а также на принципы стандартизации и критерии отбора терминологических единиц. Такой подход к делу я всецело приветствую и готов его поддержать в определённых авторами рамках.

Когда, откуда и почему появились новые термины?

Для большей ясности хотя бы вкратце обратимся к истории вопроса. Вплоть до появления «инновационного» стандарта 7.0-99, неожиданно круто развернувшего библиотечное дело в сторону информатики, наши теория и практика вполне довольствовались терминами, заложенными ГОСТом 7.26-80 «Библиотечное дело. Основные термины и определения», действующим с 1982 г. Отдельными ГОСТами регламентиро-

валась терминология деятельности библиографической (ГОСТ 7.0-84 «Библиографическая деятельность. Основные термины и определения») и научно-информационной (ГОСТ 7.27-80 «Научно-информационная деятельность. Основные термины и определения»). И всем всё было понятно.

На основе упомянутых стандартов разрабатывались государственные нормативные акты типа Положения о библиотечном деле в СССР (1984), терминологических словарей, выходявших вплоть до принятия пресловутого ГОСТа 7.0-99. Имеются в виду «Библиотечное дело. Терминологический словарь» (1986, 1997), «Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям знания» (1995) [3].

Но к тому времени информационный вирус уже заразил область библиографии. Это выразилось в проникновении в профессиональный язык библиографов таких терминов, как *информационно-библиографическая деятельность, информационно-библиографическое обеспечение, информационно-библиографическое обслуживание.*

Приблизительно в то же время этот вирус начал было поражать и библиотечное фондоведение, куда он проник обходным путём – через библиографические двери: в 1977 г. был принят ГОСТ 7.7-77 «Система информационно-библиографической документации. Фонды нормативно-технических документов по стандартизации в системе научно-технической информации». К счастью, в апреле 1988 г. его отменили, ведь фонды научно-технической документации состоят из первичных документов, им не место в системе документации библиографической, состоящей из вторичных документов. Вторая некорректность состоит в беспричинном переименовании библиографической «документации» в информационно-библиографическую. Есть и третья: слово *документация* применяют к служебным документам управленческого, учебного, технологического и тому подобного характера, но отнюдь не библиографического.

Где логика в оправдании информационных «довесков»?

Что ищет информационно-поисковая система? Тогда же, т.е. в конце 1990-х гг., из инфосферы в библиотечное дело внедрил некорректный ни с теоретической, ни с лингвистической точки зрения термин *информационно-поисковая система.*

Сделаем отступление, чтобы пояснить эту шокирующую иных библиотечарей, библиографов и информатиков мысль. Уйду от высказанных ранее в печати собственных аргументов и сошлюсь на определение термина *информационный поиск* в уже упомянутом третьем издании словаря [3. С. 48]: «поиск документов, сведений о них или фактов, соответствующих информационному запросу».

Прошу перечитать это определение: *информационный* поиск – это поиск... *документов*! Вы скажете: да, но ведь также – сведений или фактов. Благодарю за то, что вы согласились со мной, пусть пока что и на одну треть. И, если следовать логике, согласитесь и с тем, что исходя уже только из этого неправомерно именовать поиск информационным или, по крайней мере, полностью информационным.

Движемся дальше. Где могут содержаться сведения или факты, как не в документах? Ну, возрадуется мой оппонент, – почему обязательно в документах, в них могут содержаться не все сведения или факты. И ещё раз спасибо: вы признали, что хотя бы отчасти требуемые сведения или факты могут содержаться в документах. То есть поиск опять не информационный или не только информационный. А главным образом документский (или документивный) – по-настоящему надо работать над этой терминологией, а не иной.

Где стандартное определение документа? Остаётся разобраться с последним. Если сведения или факты содержатся не в документах, то – в условиях библиотеки – где? Согласитесь, что на 80% – всё-таки в документах. Допустим, что поисковику, искателю в 20% случаев приходится обращаться к внедокументарным источникам. Но этой малостью в дефиции можно пренебречь.

Я соглашусь со своими оппонентами только в случае, если предвзрительно мы договоримся понимать термин *документ* одинаково. Однако определение документа в современном библиотечном тезаурусе отсутствует. И в терминологическом библиотечном стандарте его не было и не намечается. А что, если среди различных видов документа мы признаем существование и устного документа, как это сделал, например, классик библиотековедения, библиографии, книговедения, а главное библиопсихологии Н. А. Рубакин [4]? Тогда вам, уважаемые оппоненты, придётся смириться с тем, что поиск, о котором ведётся речь, придётся назвать целиком и полностью документским.

Документальный поиск. В третьем издании рассматриваемого словаря есть нечто близкое этому термину: документальный поиск – «поиск соответствующих информационному запросу документов» [3. С. 37]. Вот здесь сказано корректно: запрос действительно *информационный*, поскольку читателю нужна информация, а удовлетворяется запрос *документом*, поскольку информация сама по себе не существует, она непременно интегрирована в носитель, знаковую систему и другие составляющие документа, т.е. представлена только в виде документа (подробнее об этом скажу чуть ниже). Если есть другое мнение, предложите своё определение документа и найдите термин для той части информации, которая обходится без знаков или каких-либо иных средств выражения.

Но пока что под агрессивным и бездоказательным напором информофилов из библиотечного обихода исчезло даже и выражение «документальный поиск» вместе с «документальной базой данных», «документальной информационно-поисковой системой» (в последнем термине слово «информационно-» было явно избыточным).

Возвращаемся к стандарту нашей базовой терминологии. Итак, вольготно раскинувшаяся на страницах терминологического словаря «Информационно-библиографическая деятельность» из наименования стандарта 1999 г. тихо, «по-английски», исчезла. Но не совсем. Она сделала шагок влево и плотно прижалась к деятельности библиотечной. Настолько плотно, что подмяла её под себя.

Обратимся к наименованию ГОСТа снова: «Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения». Что произошло, почему от одного понятия приставка «информационно-» отклеилась, а к другому прилепилась? Где логика?

Авторы рассматриваемой статьи констатируют, что «информационная деятельность охватывает комплекс методов, технологий... и может быть равнозначно применена для любой отрасли, обеспечивающей сбор, хранение и обработку документированной информации» [1. С. 14]. Если так, то будем последовательны: либо ярлык информационности приклеиваем к любой отрасли (информационно-архивная, информационно-музейная, информационно-банковская (всякий банк собирает, хранит и обрабатывает нужные ему документы), информационно-издательская и т.д. до бесконечности), поскольку все отрасли

имеют дело со сбором, хранением и обработкой профильной для них информации (представленной не иначе как в виде документа), либо удаляем эту «присказку» от термина *библиотечная деятельность* и возвращаем ему исконный смысл. Иначе – где логика?

Игнорирование закона «О библиотечном деле». Для авторов принципиально важна гармонизация документов по стандартизации с нормативными правовыми актами [1. С. 18]. Совершенно согласен.

Основным для библиотечной отрасли является федеральный закон «О библиотечном деле». И ещё 85 подобных законов, принятых субъектами Российской Федерации. Федеральный закон был принят в 1994 г., интересующий нас стандарт – через пять лет. И где же гармония?! Составители стандарта, во-первых, проигнорировали ключевой термин *библиотечное дело*, а, во-вторых, предложили либо иные термины, либо их иную, по сравнению с законом, трактовку.

Закон оперирует выражениями: «документ» (а не ресурс), «библиотечное информирование», «библиотечное обслуживание» (а не «библиотечно-информационное» или «информационно-библиотечное»), «свободный доступ», «библиотечная деятельность». Ни одного из них нет в готовящемся ГОСТе на основную библиотечную терминологию. Даже Национальная электронная библиотека, которая, согласно закону «О библиотечном деле», никакая не библиотека, и та «представляет собой совокупность документов и сведений в электронной форме», а вовсе не *информационных ресурсов*, подсовываемых составителями стандарта вместо документов.

С точки зрения государства термин *информационно-библиотечная деятельность* является незаконным. В готовящемся ГОСТе исходный термин *библиотечное дело* тоже отсутствует. Терминов с довеском «информационно-» нет в статье первой закона – «Основные понятия». Может быть, им обогащены другие статьи? Не ищите понапрасну, его там нет. Законодатель не знает ничего, что было бы информационно-библиотечным или библиотечно-информационным. Уважаемые авторы, позвольте заметить: вы действуете вразрез с вами же обозначенными принципами и декларированной приверженностью логике.

Игнорирование международного стандарта. Уважаемые коллеги! Как ни прискорбно, вы лукавите и в том случае, когда, говоря правильные слова: «в методике привлечения терминов для включения в соответствующие стандарты особое внимание уделяется отбору терминов с учётом международной практики использования» [1. С. 19], полностью игнорируете богатейшую международную терминологическую практику.

В мире нет более авторитетной организации в сфере стандартизации, чем Международная организация по стандартизации. Соответственно, нет и более авторитетной дефиниции термина *документ*. А в проекте готовящегося главного библиотечного стандарта этот термин напрочь отсутствует.

Что такое вторичный документ, потребитель стандарта знать будет, но бесполезно искать определение первичного документа, библиотечного документа, документа библиотечного фонда, библиотечного управленческого документа, библиотечного технологического документа. Определение вторичного документа, да и вообще всё, что в стандарте связано с документом, радикально расходится с международной дефиницией документа. То, что принято по этому поводу в наших нормативных документах, вызывает лишь презрительную усмешку.

Документированная (?) информация. Поясню эту претензию, взяв словооборот «документированная информация» из приведённой выше цитаты.

Несмотря на разногласия по поводу понимания сущности документа, все, к счастью, сходятся в том, что документ есть записанная информация. Что такое информация не записанная, но документированная, понять невозможно. Почему вместо этого нелепого нагромождения слов не сказать коротко и ясно «документ», понять ещё сложнее. И всё это называется логикой?! А ведь вы, я знаю, не преминете заявить, что разработанный вами ГОСТ якобы согласован с международным стандартом ИСО 5127 серии «Информация и документация».

Переработка (?) информации. Рассмотрим заодно и понятие научно-информационной деятельности, служащее для авторов анализируемой статьи отправным в дальнейших рассуждениях. Эта деятельность определена в статье как «действия, выполняемые в целях сбора, переработки, хранения, поиска и распространения научной информации»

[1. С. 14]. Замечу, что о слове «научная» авторы тут же забывают и далее неправомерно переносят информационные явления на всю библиотечную деятельность.

Это определение некорректно исходно: в какую корзину (бутылку или мешок) собирают информацию? На каком станке её перерабатывают и что получают на выходе? А если информацию перерабатывают в информацию же, то в чём заключается процесс переработки?

Легко представить переработку зерна в муку, а муки – в пирожок; древесины – в доски или бумагу. А переработка информации в информацию же – это из области сюрреализма или чего-то иного, к науке отношения не имеющего. Очень хотелось бы заглянуть в чудесный сосуд, хранящий информацию.

Неспроста в серьёзной литературе информацию представляют как некий фантом, миф: «Никто ещё не видел ни как субстанцию, ни как свойство эту загадочную информацию... Почему? Да потому, что её не существует в природе, как не существует флюидов, флогистона, эфира и т.д.», – полагает информатик-теоретик М. И. Сетров [5. С. 9, 10]. «Действительно, – вторит ему философ А. В. Соколов, – нет таких реалий, относительно которых можно сказать: вот это информация, а не сообщение, не сигнал, не знание, не отражение, не структура и т.д.» [6. С. 59].

Материализованная информация = документ! В том, что информации в объективном мире нет, авторы, конечно, заблуждаются: откуда же берутся различные сведения, чем мы обмениваемся, когда хотим донести до партнёра свою мысль или воспринять поступающие сигналы. Иное дело, что без носителя, без знаковой системы, без возможностей восприятия органом чувств, без понимания смысла и многого другого *информация действительно остаётся чисто абстрактным понятием!*

Это понятие можно оторвать от реальности *только* условно, в чисто исследовательских целях, на практике же информация *всегда* существует *исключительно* в материализованном виде. А *материализованная информация есть не что иное, как документ*. И значит, системы сбора, обработки, хранения, поиска и распространения действительно существуют, но – чего? *Документа и только документа*.

Документ – неразрывное единство всех своих составляющих. Без оформления, без формы информация в реальности (не в абстракции) существовать не может. Если вы, уважаемые авторы (а также и все

те, кто разделяет ваши взгляды), предполагаете, что содержание (информация) может существовать само по себе, без формы, что сущность (информация) может бытовать вне своего проявления, то вы совершаете переворот в философии, отвергая гегелевскую диалектику.

Вы, коллеги, правильно пишете, что задачей является «обеспечение заинтересованных специалистов необходимыми им сведениями о результатах научных исследований и технических разработок, о производственном опыте и т.д.» [1. С. 14]. Вам бы не обрывать абзац на этом, а продолжить, например, так: «Эти сведения существуют *не иначе как в виде документов*, и потому процесс обслуживания специалистов является в сущности документским и никаким иным, и деятельность по обслуживанию специалистов должна именоваться документской. Всё иное есть отступление от логики, теории (документологии) и элементарного здравого смысла лишено».

Информационный продукт = документ! В следующем абзаце статьи этот тезис находит убедительное, но тоже недосказанное подтверждение: «...цель и смысл [информационной] деятельности заключается... в подготовке информационных продуктов...» Задумайтесь: в каком виде преподносятся эти продукты? Впрочем, тут и думать нечего: информационный продукт – не что иное, как документ. То есть информация, знаково закреплённая в/на некотором материальном (вещественном или энергетическом) носителе.

Следом авторы нечаянно говорят то же самое: «Библиотеки изначально ориентированы на сбор и предоставление пользователям *документных* источников информации в соответствии с целевым назначением, категориями пользователей и заранее определённым регламентом предоставления услуг (обслуживания)» [Там же].

С большим облегчением читаю это вполне корректное утверждение. Вот и давайте с этого момента говорить о «документных источниках информации», или просто об источниках информации, или ещё проще – о документах. И всё! И отбросим всё наносно-информатическое!

Будем логичны в применении логики

Метод математической индукции. Для оправдания понятия *информационно-библиотечная деятельность* авторы ссылаются на авторитет лингвистики и, мало того, на «принцип индукции в понимании

математической логики». Метод (не принцип) математической индукции применяют, если требуется доказать истинность некоторого утверждения для всего данного множества элементов. Для этого сначала проверяется истинность утверждения с номером n – базис индукции, а затем доказывается, что, если верно утверждение с номером n , то верно и следующее утверждение с номером $n + 1$, который считается шагом индукции, или индукционным переходом.

Для простоты понимания можно воспользоваться известным примером – эффектом домино. Пусть какое угодно количество косточек выложено в ряд так, что каждая косточка, падая, обязательно опрокидывает следующую за ней (в этом заключается индукционный переход). Тогда, если мы толкнём первую косточку (базис индукции), то все косточки в ряду упадут.

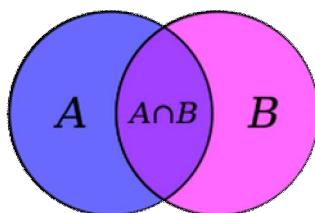
В нашем случае эта логика действует следующим образом. Библиотека имеет дело с информационными продуктами. И музей, как выясняется, – тоже. И архив. И издательство, как ни странно. Я бы даже сказал: как ни удивительно, поскольку издательское дело входит в СИБИД, но никаких информатических вывертов в его терминологии нет. Следовательно, все социальные институты с точки зрения оперирования инфопродуктами находятся в равном положении. И, если деятельность библиотек условимся именовать информационно-библиотечной или библиотечно-информационной (и то и другое одинаково некорректно [7]), то эпитетом «информационный» следует одаривать все социальные институты. Если же им «наградишь» только библиотеки, то погрешишь против метода математической индукции.

Метод индукции в традиционной логике. К такому же выводу приходим в понятиях традиционной логики, где индукция понимается как процесс логического вывода на основе перехода от частного положения к общему. То есть на основании наблюдения выстраиваем первый тезис: в библиотечной деятельности есть информационная составляющая. В музейной деятельности тоже имеется информационная составляющая, равно как в библиографической, рекламной, политической и какой хотите ещё.

Второй тезис: следовательно, информационная составляющая присутствует во всех без исключения социальных системах, которые имеют

дело с информацией. Третий тезис, заключительный: нужно либо слово «информационно-» прицеплять к любому виду деятельности (что избыточно, нецелесообразно), либо выносить его за скобки и только иметь в виду как само собой разумеющееся при рассмотрении любых социальных систем. Включая, разумеется, библиотечную деятельность.

Пересекающиеся множества. Трактовка библиотечно-информационной деятельности как всего, что связано с собственно библиотечной деятельностью, плюс того, что с ней не связано («информационная деятельность, определяемая, но не ограниченная областью библиотечной деятельности» [1. С. 17]), в понятиях математической логики относится к разделу пересекающихся множеств. Для наглядности они изображаются диаграммой Венна:

Пусть даны множества A (информационная деятельность) и B (библиотечная деятельность). Все точки левого круга (A) – явления библиотечные, все точки правого круга (B) – явления информационные. *Пересечением называется множество, состоящее из элементов, которые входят в оба множества, т.е. область $A \cap B$.* Тогда библиотечно-информационными можно считать те и только те точки, которые входят в область пересечения кругов. Всё прочее – либо библиотечное, но не информационное, либо информационное, но не библиотечное.

Именно об этом правильно ведут речь Е. И. Козлова и В. А. Цветкова, когда отмечают, что «в одном типе деятельности существуют области, не подконтрольные другому, и наоборот» [Там же]. И далее: «Таким образом, мы имеем дело с парой равнозначных пересекающихся, но не совпадающих множеств». Замечу, что конечный вывод не вполне корректен: если множества пересекаются, значит, отчасти (в зоне пересечения) они совпадают.

Но, если авторы признают, что библиотечно-информационные явления представляют собой пересекающиеся множества, они обязаны признать, что понятие *библиотечно-информационная деятельность* охватывает лишь малую часть всей библиотечной деятельности (только область взаимного пересечения), и, следовательно, ГОСТ искусственно сужает, а отнюдь не расширяет, как они утверждают, сферу своей области. Этот вывод явно противоречит их же утверждению: библиотечно-информационная деятельность включает в себя всё, что связано с собственно библиотечной деятельностью, и то, что с ней не связано [1. С. 17].

А на каком основании, позвольте спросить, библиотекарь должен заниматься чуждой ему деятельностью? Разве это соответствует Закону «О библиотечном деле»?

От библиотекаря требуют, чтобы он занимался, с одной стороны, досуговой деятельностью, с другой стороны – информационной. Когда же ему выполнять свои прямые профессиональные обязанности специалиста? Кто и сколько будет ему доплачивать за внебиблиотечные обязанности? Кто будет оценивать качество его непрофессиональной, дилетантской, любительской работы? Трудно представить себе стандартное определение любого другого вида деятельности, в котором его представителю (врачу, лётчику, повару, бухгалтеру, коллектору, книгоиздателю) предписывалось бы выполнять несвойственные ему функции. Что на это скажут службы охраны труда? Минфин? Или их тоже обяжут заниматься чем-то инородным?

Что-то не сильно вдохновляет ни стремление размыть область профессиональной библиотечной деятельности, ни трактовка «принципа индукции в понимании математической логики».

Как быть?

Чётко определить стандартизируемый предмет. Моё видение рассматриваемого вопроса более простое и, если хотите, совсем примитивное. Система СИБИД, существующая с 1978 г., не должна смешивать информационное, библиотечное и издательское дело ни в каких пропорциях и комбинациях. В неё следует включить на равных правах с другими и область библиографии – сейчас она выглядит в СИБИД бедной родственницей.

Ввести термин «библиотечное дело» и дать его определение. Аббревиатура СИБИД расшифровывается, в частности, как система стандартов по библиотечному и издательскому делу. Следовательно, исходными в СИБИД должны быть именно эти понятия. Однако они напрочь отсутствуют уже в течение полувека! Хотя слово *дело* фигурирует ни много ни мало в наименовании основного библиотечного закона и включено в перечень законных основополагающих терминов. Что же это за система, в которой не терминированы, не определены её объекты?!

Взять за основу понятийный аппарат нормативно-правовых актов. В основу терминологического ряда должны быть положены ключевые термины законов и иных общегосударственных нормативно-правовых актов. Но определения этих терминов могут – и даже радикально – отличаться от зафиксированных в правовых актах: там они несут правовую нагрузку, а стандартом регулируется их профессиональное, научное, практическое понимание, разумеется, в полной мере соответствующее юридической трактовке.

Поскольку библиотека – система по своей сущности документо-коммуникативная, в основу общих терминов должны быть положены ключевые понятия этой системы: *библиотека, библиотечное дело, документ, библиотечный фонд, читатель (пользователь), контингент читателей (пользователей), материально-техническая база библиотеки, библиотечное материально-техническое ресурсоведение, модель библиотеки, модель библиотечного фонда* и т.п. И ничего лишнего, потустороннего!

Нам разобраться бы со своей ключевой терминологией, а «деятельность, определяемая, но не ограниченная областью библиотечной деятельности», пусть останется в истории библиотечного дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Козлова Е. И., Цветкова В. А.** Терминологические аспекты в процессах стандартизации библиотечно-информационной деятельности / Е. И. Козлова, В. А. Цветкова // Науч. и техн. б-ки. – 2020. – № 3. – С. 11–22.
2. **Столяров Ю. Н.** Агрессивные информатические алогизмы // Б-ки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества. Десятая юбил. междунар. конф. «Крым–2003»: тр. конф. в 3 т. – Москва: ГПНТБ России, 2003. – Т. 2. – С. 773–778; **Он же.** Библиотековедение в опасности // Библ. дело – 2003: гуманитар. и тех-

нолог. аспекты развития : материалы Восьмой междунар. науч. конф. (Москва 24–25 апр. 2003 г.). – Москва, 2003. – С. 27–29; *Перепеч.*: Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2003. – № 4. – С. 124–28.

3. **Библиотечное дело** : терминолог. слов. / сост.: И. М. Суслова, Л. Н. Уланова ; Рос. гос. б-ка ; 2-е, перераб. и знач. доп. изд. – Москва : Книга, 1986. – 224 с.; **Библиотечное дело** : терминолог. слов. / Рос. гос. б-ка ; 3-е, знач. перераб. и доп. изд. – Москва, 1997. – 167 с.; **Терминологический словарь** по библиотечному делу и смежным отраслям знания / сост.: З. Г. Высоцкая (отв. ред.), В. А. Врубель, А. Б. Маслов, Л. К. Розеншильд ; Рос. акад наук ; Б-ка по естеств. наукам. – Москва, 1995. – 267 с.

4. **Рубакин Н. А.** Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. – Москва : Книга, 1977. – С. 22.

5. **Сетров М. И.** Информационные процессы в биологических процессах : методолог. очерк / Акад. наук СССР. Ленингр. кафедра философии. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. – 155 с.

6. **Соколов А. В.** Философия информации : проф.-мировоззренч. учеб. пособие / А. В. Соколов ; М-во культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2010. – 365 с. : портр.

7. **Столяров Ю. Н.** О равной некорректности предикатов «библиотечно-информационный» и «информационно-библиотечный» // *Культура: теория и практика. Электрон. науч. журн.* – 2020. – № 2 (35) (март – апрель). – Режим доступа: <http://theoryofculture.ru/issues/113/1334/>. См. также: **Он же.** О представлении ключевых библиотечных и библиографических понятий в государственных стандартах // Румянцев. чтения – 2020 : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21–24 апр. 2020 г.) ; в 2 ч. / М-во культуры Российской Федерации ; Рос. гос. б-ка ; Библ. ассамблея Евразии – Москва : Пашков дом, 2020. – Ч. 2. – С. 349–356.

REFERENCES

1. **Kozlova E. I., Tsvetkova V. A.** Terminologicheskie aspekty v protsessah standartizatsii bibliotечно-informatsionnoy deyatel'nosti / E. I. Kozlova, V. A. Tsvetkova // *Nauch. i tehn. b-ki.* – 2020. – № 3. – С. 11–22.

2. **Stolyarov Yu. N.** Agressivnyye informaticheskie alogizmy // *B-ki i assotsiatsii v menyayushchemsya mire: novye tehnologii i novye formy sotrudnichestva. Desyataya yubil. mezhdunar. konf. «Crimea–2003»:* tr. konf. v 3 t. – Moskva : GPNTB Rossii, 2003. – T. 2. – С. 773–778; **Он же.** Bibliotekovedenie v opasnosti // *Bibl. delo – 2003: gumanitar. i tehnolog. aspekty razvitiya :* materialy Vosmoy mezhdunar. nauch. konf. (Moskva 24–25 apr. 2003 g.). – Moskva, 2003. – С. 27–29; *Perpech.*: Vestn. Mosk. gos. un-ta kultury i iskusstv. – 2003. – № 4. – С. 124–28.

3. **Bibliotechnoe** delo : terminol. slov. / sost.: I. M. Suslova, L. N. Ulanova ; Ros. gos. b-ka ; 2-e, pererab. i znach. dop. izd. – Moskva : Kniga, 1986. – 224 s.; **Bibliotechnoe** delo : terminol. slov. / Ros. gos. b-ka ; 3-e, znach. pererab. i dop. izd. – Moskva, 1997. – 167 s.; **Terminologicheskiy** slovar po bibliotechnomu delu i smezhnym otraslyam znaniya / sost.: Z. G. Vysotskaya (otv. red.), V. A. Vruble, A. B. Maslov, L. K. Rozenshild ; Ros. akad nauk ; B-ka po estestv. naukam. – Moskva, 1995. – 267 s.

4. **Rubakin N. A.** Psihologiya chitatelya i knigi: kratkoe vvedenie v bibliologicheskuyu psikhologiyu. – Moskva : Kniga, 1977. – S. 22.

5. **Setrov M. I.** Informatsionnye protsessy v biologicheskikh protsessah : metodolog. ocherk / Akad. nauk SSSR. Leningr. kafedra filosofii. – Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie, 1975. – 155 s.

6. **Sokolov A. V.** Filosofiya informatsii : prof.-mirovozzrench. ucheb. posobie / A. V. Sokolov ; M-vo kultury Rossiyskoy Federatsii, Sankt-Peterburgskiy gos. un-t kultury i iskusstv. – Sankt-Peterburg : SPbGUKI, 2010. – 365 s. : portr.

7. **Stolyarov Yu. N.** O ravnoy nekorrektnosti predikatov «bibliotechno-informatsionnyy» i «informatsionno-bibliotechnyy» // Kultura: teoriya i praktika. Elektron. nauch. zhurn. – 2020. – № 2 (35) (mart – aprel). – URL: <http://theoryofculture.ru/issues/113/1334/>. Sm. takzhe: **On zhe.** O predstavlenii klyuchevykh bibliotekovedcheskiy i bibliografovedcheskiy ponyatiy v gosudarstvennykh standartah // Rummyantsev. chteniya – 2020 : Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (21–24 apr. 2020 g.) ; v 2 ch. / M-vo kultury Rossiyskoy Federatsii ; Ros. gos. b-ka ; Bibl. assambleya Evrazii – Moskva : Pashkov dom, 2020. – Ch. 2. – S. 349–356.

Информация об авторе / Information about the author

Столяров Юрий Николаевич – доктор пед. наук, профессор, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки и Научного и издательского центра «Наука» РАН, ведущий научный сотрудник ГПНТБ России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Россия

yn100@narod.ru

Yury N. Stolyarov – Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Leading Researcher, Science and Publishing Center “Nauka” of Russian Academy of Sciences; Russian State Library, Moscow, Russia; Russian National Public Library for Science and Technology, Moscow, Russia

yn100@narod.ru